

УДК 394
DOI: 10.17223/19988613/59/23

А.Ш. Тузова

ВЬЕТНАМЦЫ, ВЫРОСШИЕ В РОССИИ: КТО МИГРИРУЕТ НА РОДИНУ ПРЕДКОВ?

Проект Российского научного фонда «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», № 14-18-02149-П.

Рассматривается влияние транснациональных взаимодействий в детстве на миграционные планы взрослых вьетнамского происхождения. Практики символического транснационализма часто формируют негативное или амбивалентное отношение к этничности родителей. Хотя второе поколение осуществляет карьерный, брачный и миграционный выбор в соответствии со сформированным отношением к этничности, балансируя между ценностными системами двух культур, однако финальный прагматический выбор продиктован возможностью повысить свой статус, используя такие ресурсы, как класс семьи, этничность, владение культурным репертуаром и полученное в России образование.

Ключевые слова: антропология миграции; транснационализм; вьетнамцы в России.

Введение. Жизненные пути детей вьетнамских иммигрантов в России очень разнообразны. Конstellация таких факторов, как образование, класс семьи, трудовая занятость и происхождение родителей, включенность в этнические социальные сети, транснациональный опыт, ощущения принадлежности или стигматизированности в школьной / студенческой среде и среди коэтнических сверстников, создают уникальные жизненные траектории, только отчасти поддающиеся генерализации. В фокусе данной статьи – транснациональная мобильность и «возвращение» второго поколения на родину родителей. Рассмотрено, как молодые люди из вьетнамских и смешанных русско-вьетнамских семей, выросшие в России, балансируют между ценностными системами местного окружения и их родителей. Отношение к этничности влияет на процессы социального позиционирования, осуществляющиеся в двух системах координат. То, какие социальные роли в результате предпочитают представителями второго поколения, как разыгрывается этничность, как миграция во Вьетнам или другие страны включена в биографии моих информантов, является результатом не только воспитания и транснациональной вовлеченности, но и прагматичного выбора детей вьетнамцев.

Описание полевой работы. Статья написана по материалам коллективного исследования, проводящегося при Европейском университете в Санкт-Петербурге в рамках проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», который финансируется Российским научным фондом (грант № 14-18-02149-П). В основу статьи легли собранные в 2015–2018 гг. 22 полуструктурированных биографических интервью с молодыми людьми вьетнамского происхождения в возрасте от 17 до 35 лет. Был осуществлен тематический анализ этих интервью, а также 10 интервью с членами их семей¹. Материал дополнили включенное наблюдение на диас-

порических мероприятиях, неформальное общение и наблюдение в соцсетях.

Мои информанты, живущие как в России, так и за ее пределами, хоть и могут быть объединены термином «второе поколение», не представляют собой гомогенную популяцию. Они находятся на разных этапах жизненного пути и часто не знакомы с теми представителями второго поколения, чья миграционная и семейная история отличается от их собственной.

Исследования миграций второго поколения. Миграция на родину родителей, как крайний случай транснационализма второго поколения, все больше привлекает внимание исследователей в последнее десятилетие. Критикуя употребление понятия «возвратная миграция» по отношению ко второму поколению, ведь формально дети иммигрантов не могут вернуться туда, где никогда не жили, Вессендорф говорит о «миграции к корням» (*roots migration*) [1] и делает акцент на чувствах ностальгии и «оторванности от корней». Так как тоска по родине предков является особенностью диаспорического самосознания, Тсуда предлагает понятия «этническая возвратная миграция» (*ethnic return migration*) и «диаспорическое возвращение» (*diasporic return*) для описания переселения второго и последующих поколений иммигрантов на родину их предков. Впрочем, он подчеркивает экономические мотивы таких мигрантов, превалирующие над желаниями воссоединиться с корнями и познать свое этническое наследие [2. Р. 26]. В центре его рассмотрения движение из более бедных, развивающихся стран в развитые страны исхода своих предков. Наиболее же лаконичное и точное понятие, предложенное Ямаширо, *ancestral homeland migration* – «миграция на родину предков» [3. Р. 12], уже получает распространение, ср.: [4].

Уже существует значительное число работ, спорящее с утверждением Жоу о том, что 1,5 и 2 поколения

ряд ли рассматривают возможность переезда в страну исхода их родителей, так как не имеют достаточно значимых связей с родиной родителей [5. Р. 64]. Исследователи, рассматривающие феномен такой миграции², все же, в отличие от Тсуды, чаще фокусируются на движении из более развитых стран в менее развитые: из Северной Америки в Грецию [7], из Великобритании в страны Карибского бассейна [8], из Швейцарии в Италию [1], из США в Индию, Вьетнам, Китай [4, 9, 10]. В этих миграциях ярче актуализируется первоначальный импульс движения к своим корням. Накладываемые извне, а также собственные понимания этничности, как и ощущения «дома» и «принадлежности», стимулируют транснациональную мобильность второго поколения. Однако радужные представления о родине родителей чаще разбиваются о невозможность адаптироваться и влиться в общество. Общества исхода родителей часто не только менее развиты экономически, но и более патриархальные, с жесткими рамками гендерных ролей, которые молодые люди, выросшие в ориентированных на эгалитарные гендерные отношения обществах, принимают либо оспаривают. В данной статье речь пойдет о том, какие детали своих биографий информанты выделяют как ключевые в формировании их ориентаций и предпочтений относительно страны проживания. Далее я рассмотрю роль транснационального опыта второго поколения в формировании их отношения к этничности и в жизненных выборах, осуществляемых ими в период после окончания школы, студенчества и выхода на рынок труда.

Миграция во Вьетнам как императив вьетнамских семей. С конца 1960-х – начала 1970-х гг. Советский Союз, как и другие страны бывшего Советского блока, начал интенсивно принимать вьетнамцев на учебу в вузы, а с 1981 г. по соглашению между странами вьетнамцы начали работать на советских заводах и фабриках по контракту [11. С. 146–148]. После развала СССР в 1991 г. перед бывшими студентами и контрактными рабочими встал выбор: вернуться во Вьетнам или попытаться найти себя в новом экономическом порядке; это время расцвета «вьетнамских рынков». Но после финансовых кризисов 1998, а затем и 2008–2009 гг., Россия стала менее привлекательным направлением для миграции и планирования постоянного жительства, чем, например, Чехия и Польша: страны, входящие в Евросоюз, в советское время принимавшие вьетнамских студентов и рабочих, и с тех пор являющиеся местом жительства большого числа вьетнамцев. Особенности жизни вьетнамских семей в России представляют особый интерес и не освещены в исследовательской литературе. Несмотря на существование императива «вернуться на родину после получения детьми российского образования», индивидуальные истории возвратной миграции первого поколения «советских» семейных вьетнамцев могут значительно варьировать [12].

Жизненные пути второго поколения варьируют еще больше. Ориентации и принадлежности второго поко-

ления дают различные варианты мобильности: 1) дети иммигрантов ассимилируются и становятся полноценной частью принимающего общества; 2) семьи иммигрантов вместе с детьми возвращаются в страну исхода после получения детьми образования; 3) дети используют свой расширенный культурный репертуар для адаптации к жизни в третьей стране. Исследователи все больше внимания посвящают транснациональным практикам, «размывающим» границы между вариантами.

Наиболее драматична ситуация, когда дети уже получили образование, и вьетнамские родители готовы уехать. Они восстановили связи с родственниками и друзьями во Вьетнаме, обеспечили себе заработок и жилье, совершили серию поездок. При этом их дети ассимилировались настолько, что видят свое будущее только в России и отказываются ехать на родину родителей³. Когда родители оставляют надежду на отъезд детей, происходит болезненный разрыв, сглаживаемый, впрочем, последующим транснациональным образом жизни детей или родителей. Польские исследования показывают, что разнонаправленность миграционных планов вьетнамских родителей и детей – это основа семейных конфликтов [14. Р. 69]. Однако среди моих информантов встречаются и прямо противоположные ситуации. Старшие из сиблингов по мере взросления все больше ориентируются на жизнь во Вьетнаме и осуществляют попытки переезда, а родители вместе с младшими детьми планируют оставаться в России и рассматривают получение российского гражданства, что является решением, символически знаменующим связь с Россией. Таким образом, конфликт между поколениями не следует понимать как однозначный: между желаниями родителей уехать, а детей остаться. В смешанных семьях описываемый конфликт может превращаться во внутренний конфликт вьетнамского родителя [12. С. 84], так как из-за местного супруга вся семья более интегрирована в России.

Транснациональность второго поколения. Переезд во Вьетнам и реинтеграция иммигрантов первого поколения невозможны без усиления транснационального взаимодействия [Там же. С. 87]. Не имеющие транснациональных связей дети вьетнамцев ставят Вьетнам в один ряд с другими зарубежными странами и предпочли бы миграцию в страны с более высоким уровнем жизни. Часть информантов имеют обширный транснациональный опыт: будучи рожденными в России, они были отправлены родителями к родственникам во Вьетнам в дошкольный период или на учебу в начальной школе на 5–7 лет. Других отсылали к бабушкам-дедушкам на лето. Распространены и краткосрочные визиты в составе семьи. Если последний вариант больше напоминает туристические поездки и по форме, и по содержанию, то первые два часто описываются информантами как опыт травматический и сформировавший такие черты характера, как самостоятельность и дисциплинированность.

«Отдыхавшие» на каникулах больше вспоминают бытовые отличия между жизнью в городе в России и в

деревне во Вьетнаме. Описываемый телесный опыт включает страдания от непривычного распорядка дня (ранние подъемы, дневной сон), жаркого климата и плохих жилищных условий, пищи, насекомых. Воспоминания о визитах омрачены чувствами незащищенности и растерянности: следствие невозможности встроиться в социальную среду. Из-за недостаточного владения вьетнамским, дети ощущали социальную изолированность даже в среде других детей и родственников. Так Дима не хотел общаться со сверстниками: «...потому что это были вьетнамские дети, они мне не нравились. Они... будто дерзкие какие-то очень сильно, какие-то, я бы сказал... невоспитанные, наверное. Они могли просто поматериться, побить тебя. Они просто чувствовали то, что ты как бы... как хоть и вьетнамец, но ты из другой страны и, типа, могут тебя обидеть» (Дима, м., 17, апрель 2017 г. [15]).

Приехавшие из-за границы воспринимаются как «богатые» как родственниками, так и незнакомыми людьми, что затрудняет установление честных доверительных отношений: «...когда приезжаешь во Вьетнам, народ чувствует это и начинают всякие обхаживания с целью вынимания денег» (Вита, ж., 23, февраль 2016 г. [13]).

Выросшие в России, дети критично воспринимают особый стиль взаимодействия, иносказательность выражений, жесткую иерархичность в отношениях: «...во Вьетнаме нужно постоянно подстраиваться, как-то вот изворачиваться» (Настя, ж., 22, июль 2017 г. [15]). Они отвергают как нормы общения, так и связанные с ними «вьетнамский менталитет и образ жизни». Одним информантам родные проводили специальный инструктаж по поведению, скрывающему их заграничное происхождение и защищающему от возможного грабежа. Другие рассказывали, что были обмануты собственными родственниками.

Обсуждая свои попытки приехать во Вьетнам на постоянное жительство, Настя и Вика вспоминают нежелание вьетнамских родственников помочь им обустроиться и делают вывод об их меркантильности:

Н: Они рады нам только тогда, когда мы временно приезжаем...

В: Да, когда мы привозим подарки, тогда все рады. (Настя, ж., 22, Вика, ж., 25, июль 2017 г. [15]).

Второе поколение ощущает себя объектом пристального внимания и сплетен со стороны многочисленных незнакомых родственников. Из-за языкового барьера, непонимания особенностей коммуникации и неумения распознать скрытые мотивы юные вьетнамцы из России ощущают себя легкими жертвами мошенничества.

Туристические поездки оставляют более позитивное впечатление. Посещая Вьетнам с родителями в детстве или самостоятельно уже в старшем возрасте с целью ознакомления с вьетнамской культурой, представители второго поколения больше отделены и защищены от «настоящего» вьетнамского быта и взаимо-

отношений. Например, Май восторженно отзываясь о полученной возможности поучаствовать в организованном вьетнамским правительством культурном лагере для детей вьетнамцев со всего мира: «Мы ездили на автобусе с севера до юга. Это длилось 21 день, и каждый день мы посещали 1–2 города. <...> В общем, было очень весело, очень комфортно было находиться в таком окружении. Потому что это по сути такие же люди как ты. Те люди, которые выросли в другой стране, при этом внешность вьетнамская» (Май, ж., 25, октябрь 2017 г. [15]).

Май повезло ощутить принадлежность, тогда как другие информанты остро переживали свою невключенность в жизнь во Вьетнаме, свою чуждость и, в свою очередь, отвергали то, что им предъявлялось родителями как родное. Стесненные в средствах семьи посещают Вьетнам по крайней необходимости: по семейным обстоятельствам (похороны родственника), для оформления документов. Приоритетным для родителей является общение с расширенной семьей, а дети остаются разочарованными:

«Ну, приехали... Было очень жарко: 36 градусов; и как-то меня не вдохновил Вьетнам в плане этого. Ну, как-то я еще не смог адаптироваться, потому что приехал на две недели. Средненько, я бы сказал. Я не узнал вьетнамской культуры. Узнал, вот, что родственники есть. Так, познакомились – и все. А так... В целом, дома сидел, потому что очень жарко. <...> Ну, увидел дом, где живут родственники. Увидел, в каких условиях Вьетнам находится, ну и все» (Тоан, м., 25 лет, март 2017 г. [Там же]).

Регулярные поездки во Вьетнам «на лето к бабушке-дедушке» считаются как родителями, так и самими детьми ключевым способом передачи вьетнамской культуры и воспитания вьетнамской идентичности [16. С. 68]. Транснациональность второго поколения и отношение к своим корням находится в прямой зависимости от класса⁴. В более обеспеченных семьях дети имеют как минимум сам опыт посещения Вьетнама, а поездки привычного туристического формата, позволяющие узнавать страну как безопасное место, – это основа для формирования эмоциональных связей с родиной родителей. Как замечают мои информанты, дети родителей, «у которых есть деньги», более склонны уезжать во Вьетнам на постоянное жительство. Отсутствие детского опыта визитов во Вьетнам и связанных с ними негативных воспоминаний может подтолкнуть к тому, что исследователи называют «туризмом к корням» [18]. Диана, выросшая в смешанной русско-вьетнамской семье, начала интересоваться Вьетнамом и всем с ним связанным уже после двадцати пяти лет. После четырех ежегодных туристических поездок она начала обдумывать возможности для бизнеса и переезда на родину своего отца.

Амбивалентное, а в некоторых случаях неприязненное отношение к Вьетнаму, сформировавшееся в результате однократных или редких поездок к родствен-

никам, мешает представителям второго поколения рассматривать страну как место для постоянного жительства. Даже стигматизированное (из-за внешности) положение в России кажется менее драматичным в сравнении с невозможностью «вписаться» в ощущаемый порядок взаимоотношений во Вьетнаме. Визиты во Вьетнам – это ключевая составляющая транснациональности второго поколения, однако необходимо принимать во внимание также практики символического транснационализма⁵, так воспитание вьетнамскими родителями создает отношение к этничности, в свою очередь оказывающее влияние на миграционные планы второго поколения.

Вьетнамское воспитание. Дети иммигрантов часто принимают решение о переезде на родину родителей под их влиянием. Родители говорят о родине как ключевом месте, куда рано или поздно следует вернуться (в случае второго поколения – уехать) жить [7]. Далее я рассмотрю, какое место мои информанты отводят родительским руководству и ожиданиям в формировании и реализации их брачных, карьерных и миграционных планов. Немаловажно здесь отношение второго поколения к этничности, также находящееся в тесной связи с взаимоотношениями с родителями. Родительские стратегии в семьях моих информантов сильно разнятся, но некоторые обобщения все же возможны. Отношение к этничности детей, воспитывавшихся в смешанных семьях, принципиально отличается от того, как воспринимают «вьетнамскость» дети из семей, где оба родителя вьетнамцы.

Воспитание и этничность в смешанных семьях. Смешанные семьи моих информантов почти без исключений представлены отцом-вьетнамцем, получившим образование в СССР, и местной матерью. Образовательные мигранты в силу хорошего владения ими русским языком имели больше возможностей длительно и тесно контактировать с местными, а также остаться здесь жить. Впоследствии они скорее занимали привилегированное положение среди вьетнамцев. Среди моих информантов самые старшие – из таких смешанных семей, родившиеся еще в Советском Союзе. Когда они росли, их семьи имели высокий достаток и соответствующий образ жизни. Дети обучались в гимназиях, занимались в музыкальных школах. Многие из тех вьетнамских иммигрантов, кто получил высшее образование и даже защитил кандидатскую диссертацию, так же, как и бывшие строители и работники швейных фабрик, в 1990-е гг. занимались торговлей на рынке и в мелких магазинах, самостоятельно доставляя себе товары для продажи («челночество»). Некоторым удалось открыть собственное дело (магазин, ресторан, швейное производство, туристическую фирму или бизнес, связанный с импортом / экспортом товаров между Вьетнамом и Россией). Другие заняли нишу, связанную с помощью вновь прибывающим трудовым мигрантам – оформление приглашений, разрешений на работу, перевод, улаживание конфликтов с местными представителями власти.

Такие семьи часто встречались, и дети могли общаться. По воспоминаниям информантов, их родители составляли ядро «вьетнамской диаспоры», устраивались общие праздники в ресторанах. Информанты с одинаковым воодушевлением рассказывают также о домашних праздниках, которые в памяти остались событиями с максимальным выражением «вьетнамскости».

В смешанных семьях «вьетнамскость» концентрировалась почти исключительно в сфере кулинарных практик. Повзрослев, второе поколение начинает «возврат к корням» и изучение вьетнамской культуры, пробуя вьетнамские блюда в ресторанах, пытаясь научиться готовить. На кухне смешанной семьи за счет противопоставления пищевых правил и норм, встречи «русского» и «вьетнамского» осуществлялась актуализация этничности. При этом гибридные и видоизмененные практики (способы и контексты употребления блюд, сервировка стола и пр.) воспринимаются вторым поколением как вьетнамские [16. С. 69].

Подобным образом и личные ценностные установки, привычки, манеры поведения отца-вьетнамца осмысляются детьми как этнические, вьетнамские. Строгость отца, его темпераментность и вспыльчивость становятся этнически окрашены для Феликса, росшего в смешанной семье, когда он сравнивает эти черты характера со «спокойностью» отцов своих местных друзей. Даже сложности в общении с отцом интерпретируются им как результат различающихся этнических идентичностей. В первую очередь заметные, даже раздражающие черты характера или ценности отцов оцениваются информантами как вьетнамские, негативно окрашивая, таким образом, отношение к этничности. Личные качества, поведение и ценностные установки отцов интерпретируются как этнические по той причине, что общение с другими вьетнамцами у детей из смешанных семей минимизировано. Хотя сами отцы в интервью подчеркивают, что они «не похожи на вьетнамцев» из-за того, что живут или много лет прожили в русской семье, а дети могут указывать на «оторванность» отцов от Вьетнама, все же дети часто «вьетнамизируют» убеждения отцов.

Е.: В те времена он тоже был, скажем так, антивьетнамским человеком, потому что он уехал из страны и 17 лет не возвращался туда! 17 лет он получал одно письмо в год от своей матери, и это было единственное, что его связывало с Вьетнамом. <...> Он работал с вьетнамцами, но у него никогда не было потребности в... вьетнамской культуре. Он никогда не смотрел фильмы на вьетнамском языке и не читал книги. Ему было достаточно того, что ему показывал телевизор на русском языке. Он конечно готовил [повьетнамски] и воспитывал нас в... вьетнамских традициях, как ему казалось положено быть девочкам. Но...

А.Т.: А это, например, что?

Е.: Правило номер один: «Жена – это тапочки. Тапочки сносились – жену выкинули». Это правило, по

которому меня воспитал папа Хунг. То есть никогда не высовывайся, знай свое место, не вякай. Не плачь, не обижайся. Другие правила? Нет, других правил не было (смеется)» (Екатерина, 34, 2017 г. [15]).

«Предлагаемая» отцами вьетнамская этническая идентичность имела гендерное измерение, накладывая ограничения именно на поведение девочек. Выросшие в смешанных семьях, информантки отвергали такую «вьетнамскость»: Екатерина и ее сестра говорят о том, что сделали выбор в пользу «европейских» ценностей, опираясь на точку зрения матери – «*всегда быть независимой, всегда иметь свои деньги, всегда иметь свое мнение*» (Екатерина, 34, 2017 г. [Там же]).

«Вьетнамскости» в жизни детей из смешанных семей отводилось особое, скрытое от других место. Ира и ее брат с рождения носили фамилию матери, сиблинги не учили вьетнамский язык. Ира считает, что родители, таким образом, хотели защитить их: «*...иначе люди тебя будут считать вторым сортом*» (Ира, 35, 2017 г. [Там же]). Ира называет стигматизированные категории, отождествления с которыми ее родители хотели избежать: вьетнамцы, китайцы, азиаты и, шире, иностранцы. Все они рассматриваются как низкостатусные и наделяются эпитетами «люди из банановых республик», «рынок», «второй сорт». Непрестижность этничности распространяется на владение языком; она может не артикулироваться в семье напрямую, но ощущаться. Только высокий статус семьи дает возможность не воспринимать этничность как стигму; если для вьетнамских семей она видится неизбежной; то для смешанной семьи, когда внешность детей менее «азиатская», ограничения, казалось бы, налагаемые этнической идентичностью, преодолимы. Поэтому «вьетнамскость» вытесняется в приватную сферу дома или узкого круга таких же вьетнамских и смешанных семей.

Дети и из вьетнамских, и из смешанных семей имеют опыт ощущения своей внешности как стигмы, большинству удалось выработать способ поведения, либо сглаживающий неравноправность взаимодействия, либо позволяющий справляться с ситуациями исключения благодаря знанию русского языка как родного и владению культурным репертуаром. Обычно информанты осмысляют свое взросление в смешанной семье, как опыт положительный, расширяющий кругозор, «дающий дополнительную гибкость ума»: «*Моя адаптация всегда проходила достаточно быстро и, в общем-то, безболезненно. Я думаю, что это за счет того, что я выросла в мультикультурной среде*» (Ира, 35, 2017 г. [Там же]). Ира и Екатерина, вышедшие замуж за европейцев, считают, что к этому их подготовил опыт взросления в семье, где супруги «пришли из разных культур».

Отношение к вьетнамскому происхождению выросших в смешанных русско-вьетнамских семьях складывается из комплекса обстоятельств их взросления. С одной стороны, хорошее материальное благосостояние семей и сравнительно высокий социальный статус

заставляли родителей дистанцироваться от всего вьетнамского, воспринимавшегося как стигма. Детям не давали вьетнамские имена, они могли носить «русскую» фамилию матери. Этничности отводилось место в приватной сфере семьи или близкого круга «таких же» семей: «празднование» вьетнамскости осуществлялось в специально отведенные для этого время и место. «Тяжесть» этничности несли на себе кулинарные практики и личные черты характера и ценности вьетнамского отца. Информанты, выросшие в смешанных семьях, чаще интерпретируют свои этнические опыты как периферийные, «вьетнамскость» не является хоть сколько-нибудь значимой частью идентичности. При этом взросление в смешанной семье оценивается ими как преимущество, воспитывающее способность приспособляться к другим культурам. Большинство информантов, эмигрировавших из России, как Ира и Екатерина, росли не во вьетнамских, а именно в смешанных семьях. Помимо «высокой адаптивности» сыграл роль класс их семей, позволивший девушкам получить хорошее образование и найти работу за рубежом. Отмечу важность гендера для успешной эмиграции представителей второго поколения, при том, что гендерные идеологии вьетнамских родителей являются одинаково оспариваемыми детьми как в смешанных, так и вьетнамских семьях и оказывают принципиальное влияние на отношение к этничности.

Воспитание и этничность во вьетнамских семьях. Ценностные установки вьетнамских родителей и их окружения более важны для детей из вьетнамских семей. Они – основа для оценки поведения, успешности, верности жизненных выборов. Ими предполагается подчинение личных амбиций семейным обязательствам, детей – воле родителей, а также гендерная иерархия. Нравственные нормы вьетнамских родителей диктуют им необходимость максимум времени посвящать работе во имя семейного благосостояния. Считается, что воспитание и уход за детьми можно делегировать. Поэтому широко распространены практики отправлять дошкольника или младшего школьника во Вьетнам к родственникам или отдавать на воспитание местным «бабушкам». Таким образом, дети «изнутри» знакомятся с вьетнамским и российским бытом. Они получают знание вьетнамского языка, которое впоследствии могут использовать в период более интенсивного общения с вьетнамцами (обычно в студенчестве). За короткий период они могут поднять владение русским на уровень родного языка. Наконец, с тем фактом, что они воспитывались другими людьми, информанты связывают отсутствие доверительных отношений с родителями.

Недостаток близости с родителями в свою очередь мешает последним эффективно передавать свои ценности детям. Современная российская действительность больше ориентирована на индивидуализм, независимость и эгалитарные отношения как между супругами, так и между поколениями, по сравнению с ожидаемы-

ми родителями моих информантов. Вьетнамцы, выросшие в России, подчеркивают отличие своего отношения к жизни от «вьетнамского менталитета».

Биографии старших сиблингов и младших часто сильно отличаются: и со стороны миграционной истории, и со стороны включённости в транснациональные практики. Старшие, испытывавшие большее давление со стороны родителей в сочетании с недостаточным участием родителей в их жизни, стремятся компенсировать этот разрыв между поколениями, выступая в роли посредников между родителями и младшими. Родители и сами передают старшим детям свои родительские обязанности. Аккультурировавшиеся старшие воспитывают младших, следят за их образовательными успехами, поведением (употреблением алкоголя, табака, и чтобы «не попал в плохую компанию»), помогают с карьерным выбором. Старшие стараются дать младшим то, чего не получили сами – внимание, доверие, понимание, чего не хватает вьетнамским родителям, ставящим на первое место послушание. Информанты гордятся тем, что младшие посвящают их в детали своей личной жизни. Они поддерживают личный выбор младших и защищают их перед родителями. В результате разрыв между поколениями хоть и существует, но не драматичен. Более «послушные» старшие частично снимают с младших необходимость следовать родительской воле. Младшие чаще имеют возможность делать самостоятельный выбор, например, романтического партнера или места учебы: *«Ну, понятно дело, папа хотел в экономическое какое-то, чтобы я пошла. Но он не сильно расстраивался. И я выбрала такое очень... не сильно хороший вуз с точки зрения... то есть я выбрала направление, которое... чисто для души. Не для того, чтобы учиться и быть успешной. <...> А у [старшей] сестры наоборот. Мне так показалось, что у нее не было четко своего мнения, и как-то она прямо послушала. Ну, не сразу, но в итоге так получилось, что она пошла туда, куда мама советовала. И именно в то учебное заведение, которое мама хотела. Потому что мама считала, что там могут быть какие-то полезные связи. Ну, она там неплохо устроилась в принципе»* (Вита, ж., 22, март 2017 г. [15]).

Хотя Вита и выбрала себе специальность для души, и после окончания учебы ей удавалось реализовываться профессионально в выбранном направлении, «успешной» она себя в интервью не называет из-за несоответствия своего жизненного пути тому, который считается успешным в среде ее родителей. Молодые мужчины вьетнамского происхождения более свободны в своих выборах, чем девушки, что впоследствии принципиально сказывается на их возможностях и желании реинтеграции во Вьетнаме.

Старшие дети более транснациональны во многих отношениях – их опыт поездок или жизни во Вьетнаме может быть более обширным, они часто лучше владеют вьетнамским языком, лучше ориентируются в требованиях, предъявляемых к ним родителям, и ограни-

чениях, налагаемым на них «трансгранично», со стороны Вьетнама. Даже не осуществляя физического перемещения через границы, второе поколение живет в транснациональном поле. В связи с этим можно говорить о символическом и эмоциональном транснационализме [18, 20]. Далеко идущие планы родителей интерпретируются детьми как «вьетнамская расчетливость». Знаковая черта для этничности, она критикуется вторым поколением, однако на практике дети подчиняются и принимают позицию родителей. Старшие при этом лучше владеют такими стратегиями поведения, когда они действуют по-своему, не идя на прямой конфликт с родителями. Добиваясь от детей желаемого поведения, родители апеллируют к чувству ответственности детей:

А у вьетнамцев: *«Вот, ты должен доучиться до конца, потому что мы столько в это вложились. Ты должна думать... о нашем авторитете, типа, чтобы никто, там, не смотрел на нас...»* (Вика, ж., 25, июль 2017 г. [4]).

Необходимость получения детьми образования в России тормозит отъезд вьетнамских родителей либо используется как риторическое оправдание продолжения жизни в России [11. С. 81], что обращается для детей в требование следовать родительской воле при выборе места обучения. Кроме того, родители имеют значимый финансовый рычаг влияния. Если, заканчивая школу, молодые люди не имеют российского гражданства, они могут получить высшее образование только платно. Несмотря на активное использование детского труда в своих предпринимательствах, родители надеются на получение детьми таких профессий, которые бы избавили их от прекарных занятий в сфере ресторанного или туристического бизнеса и мелкой торговли: *«...работай либо на государство, в госучреждениях, либо в компаниях крупных, либо свою компанию открой»* (Марина, ж., 26, август 2018 г. [15]).

Многие из моих информантов со школьных лет отличаются от своих сверстников наличием трудового опыта. Те, у кого родители имели туристический бизнес или свой магазин, или точку на рынке, могли целыми днями работать гидами или продавцами на летних каникулах, а в ресторане помогать в течение всего учебного года без какой-либо оплаты. Такая помощь родителям воспринималась как часть домашних обязанностей, так же естественная, как и уже упомянутые постоянное отсутствие родителей дома, выполнение старшими сиблингами родительских обязанностей – покупки продуктов, воспитания и заботы о младших. Дети, особо усердные в учебе, впрочем, могли быть избавлены от неоплачиваемого труда в семейном бизнесе.

Наиболее ценными считаются экономическое и медицинское направление – если в первом случае предполагается, что ребенок получит знания, полезные для ведения бизнеса, то во втором «в доме будет личный врач». Несколько информантов получают образование в сфере туризма, но уже в процессе учебы разочарова-

лись в ней, так как практическая самореализация в сфере туризма (организация туров для вьетнамцев в Россию и сопровождение туристических групп) очевидно доступна им, как билингвам, и без профессионального образования. Информанты, сделавшие свободный карьерный выбор, приходят к выводу, что он не совместим с жизнью во Вьетнаме, где выбранная профессиональная область не развита либо не ценится.

Девушки вьетнамского происхождения, выросшие в России, могут делать выбор в пользу замужества и отъезда во Вьетнам, потому что разделяют установку вьетнамского окружения на более ранний брак, чем ожидается в их российском окружении, и, следовательно, ощущают общественное давление и необходимость скорее начать семейную жизнь. Кроме того, в сравнении со стигматизированным положением внешне выделяющейся иностранки, которое не так просто преодолеть в России девушке с вьетнамским происхождением, значительно выигрывает статус, который она может иметь во Вьетнаме после замужества. Знакомая с вьетнамским студентом (аспирантом) или военным, проходящим обучение в России, девушка может ожидать одновременно, что семья будущего мужа достаточно состоятельная во Вьетнаме, и что сам он имеет хорошие карьерные перспективы. Выйдя замуж и имея вьетнамское гражданство и российское образование, сама она будет иметь завидное положение как во Вьетнаме, так и среди оставшегося в России вьетнамского окружения и все возможности для реализации программы идеальной вьетнамской дочери. Девушки из вьетнамских семей более готовы к гендерной и возрастной субординации, принятой во Вьетнаме, так настойчиво отвергаемой выросшими в смешанных семьях. Более того, на правах выросших в России, они могут претендовать на менее жесткое подчинение этим правилам. Девушки, планирующие миграцию во Вьетнам, оспаривают как гендерную, так и возрастную иерархию в том виде, каком она преподносится их родителями, и демонстрируют более эгалитарные отношения с партнерами (и их родителями). Нельзя, впрочем, отрицать, что отношение к этничности (и, следовательно, возможность миграции) в очень большой степени находится под влиянием накладываемых ею жизненных установок.

Те, кто планируют жизнь в России, в первую очередь объясняют свое решение неприемлемостью мировоззренческих директив своего вьетнамского окружения. Как молодые женщины, так и мужчины связывают миграцию во Вьетнам с созданием семьи. Большинство моих информантов, живущих в России, во-первых, рассматривают для себя вариант более позднего брака, чем принято во Вьетнаме, во-вторых, оспаривают необходимость выбора именно вьетнамского партнера. Девушки опираются на достигнутые на данный момент образовательные и карьерные успехи, которые позволяют им рассчитывать на собственные силы и планировать свое будущее без расчета на удачное замужество.

Кроме того, этничность может быть эффективно использована здесь, либо через обращение к этническим социальным сетям для получения работы, которая предполагает владение вьетнамским языком – репетиторство, работа во вьетнамских семьях, перевод, сопровождение вьетнамцев к врачам, помощь в оформлении документов, а также руководящие позиции во вьетнамских этнических предпринимательствах, либо через обращение к экзотической внешности, и тогда в большей степени можно говорить об актуализации не этнической, а скорее расовой идентичности, свойственной публичным личностям: музыкантам, фотомоделям, блогерам, успешно эксплуатирующим свою «азиатскость». И тот, и другой способы эксплуатации «этничности» очевидно не релевантны во Вьетнаме, поэтому те представители второго поколения, которые вовлечены в такую деятельность, не рассматривают для себя переезд во Вьетнам на постоянное жительство.

Информанты, выросшие во вьетнамских семьях, демонстрируют разный уровень владения «вьетнамским» культурным репертуаром, согласия с вьетнамскими традиционными ценностями, подсказываемыми их родителями. Старшие из сиблингов более лояльны к этничности: не критикуя мнения родителей по поводу их жизненных выборов открыто, они, впрочем, строят свою жизнь, маневрируя между ожидаемыми от них во вьетнамской среде жизненными достижениями и воспринятым в России индивидуалистическим взглядом на необходимость самовыражения, самореализации. Для девушек выбор оказывается более острым: между жесткой регламентированностью жизненного пути во Вьетнаме и рисками индивидуалистического образа жизни в России. Причем и здесь, и там в той или иной степени они ощущают свою стигматизированность, а их принадлежность обществу оспаривается извне.

Заключение. Как не может считаться естественным и беспроблемным возвращение иммигранта в страну исхода, а реинтеграция может быть сложным и болезненным процессом [11], так и миграция второго поколения на родину родителей не задается только лишь происхождением и тягой к корням. В литературе миграция детей иммигрантов из более экономически преуспевающих стран в страны исхода изначально понималась как миграция к корням, движимая чувствами ностальгии, тоской по «дому» и месту, где можно ощутить принадлежность обществу. В отношении молодых людей вьетнамского происхождения, выросших в России, можно утверждать, что их опыты посещения Вьетнама скорее проявляют невозможность «вписаться» и чувствовать себя «как дома». В смешанной семье этничности отводится периферийное место, где она и остается по мере взросления информантов и, таким образом, крепкой эмоциональной связи с «вьетнамскостью» и Вьетнамом, необходимой для того, чтобы второе поколение рассматривало возможность переезда во Вьетнам, не возникает. Воспитание во вьетнамских семьях, предполагающее следование родительской во-

ле, в сочетании с погруженностью в российский контекст, поощряющий более эгалитарные отношения и индивидуализм, рождает негативное или амбивалентное отношение к этничности родителей, заставляя дистанцироваться от семейных ценностей, либо демонстративно послушание, делая «по-своему». Когда же информанты принимают свою «вьетнамскость», это не обязательно ведет к миграции во Вьетнам. Только тогда, когда принятие этничности сопряжено с практическими соображениями, четкими жизненными перспективами и реализацией родительской «программы», дети вьетнамцев начинают рассматривать возможность переезда, осуществлять конкретные шаги в этом направлении. Гендер оказывается значимым фактором мобильности: среди моих информантов именно девушки эмигрировали во Вьетнам или другие страны. Но если в случае девушек из вьетнамских семей к решению выйти замуж за вьетнамца их толкает возможность повысить свой социальный статус, то в случае девушек из смешанных семей скорее исходный высокий социальный статус семьи позволил им получить

хорошее образование, которое они впоследствии использовали для работы за границей. В первом случае также важно владение вьетнамским языком и знакомство с вьетнамским бытом – вышедшие замуж за вьетнамцев девушки имели опыт длительного проживания во Вьетнаме; во втором – взросление в смешанной семье.

Данная статья вносит вклад в исследования условий миграции второго поколения на родину родителей. Ограничения исследования связаны с тем, что оно проводилось в России, а не в двух странах. Недостаточный доступ к «уехавшим» заставляет смещать фокус внимания на сдерживающие миграцию факторы, а не подталкивающие к ней. Предлагая взгляд на жизненные пути потомков вьетнамцев в России, статья также ставит новые вопросы: Какие режимы транснациональности проживают дети вьетнамцев по мере взросления, как осмысливают их и какое их место в социальном позиционировании второго поколения? Как происходит интеграция на родине родителей? Интересны также гендерные различия жизней второго поколения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имена информантов изменены.

² См. раздел в систематической библиографии по возвратной миграции 2011 г. [6. С. 105–108].

³ Антропологические исследования транснациональных семей показывают, что дети, получившие образование в принимающей стране и полностью усвоившие ее язык и культуру, могут сдерживать транснациональную мобильность и возвратную миграцию домохозяйства [13. Р. XIV].

⁴ По мнению Зонтини и Рейнолдс, члены семей среднего класса чаще имеют транснациональный семейный габитус по сравнению с рабочим классом [20. Р. 432].

⁵ Понятие «символического транснационализма» Эспириу и Чан использовали для описания роли в жизнях второго поколения воображаемых визитов на родину родителей, изучения культуры и изобретения этничности. Здесь Вьетнам уже не только физическое место, но и представление, ориентир и мечта [19. Р. 369].

ЛИТЕРАТУРА

1. Wessendorf S. "Roots migrants": Transnationalism and "Return" among second-generation Italians in Switzerland // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2007. Vol. 33 (7). P. 1083–1102.
2. Tsuda T. Why does the diaspora return home? The causes of ethnic return migration // *Diasporic homecomings. Ethnic return migration in comparative perspective* / ed.: T. Tsuda. Stanford, CA : Stanford University Press, 2009. P. 21–43.
3. Yamashiro J.H. Redefining Japaneseness: Japanese Americans in the ancestral homeland. New Brunswick, NJ : Rutgers University Press, 2017. 224 p.
4. Wang L.K. "Leftover women" and "kings of the candy shop": Gendering Chinese American ancestral homeland migration to China // *American Behavioral Scientist*. 2017. Vol. 61 (10). P. 1172–1191.
5. Zhou M. Growing up American: The challenge confronting immigrant children and children of immigrants // *Annual review of sociology*. 1997. Vol. 23 (1). P. 63–95.
6. Carling J., Mortensen E.B., Wu J. A systematic bibliography on return migration. PRIO Paper. Oslo: Peace Research Institute Oslo (PRIO). 2011. 287 p.
7. Christou A. American dreams and European nightmares: experiences and polemics of second-generation Greek-American returning migrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2006. Vol. 32 (5). P. 831–845.
8. Reynolds T. Transnational family relationships, social networks and return migration among British-Caribbean young people // *Ethnic and Racial Studies*. 2010. Vol. 33 (5). P. 797–815.
9. Jain S. Transnational ties and ethnic identities in the parental homeland: second-generation Indian Americans in India // *Identities*. 2018.
10. Nguyen-Akbar M. Finding the American dream abroad? Narratives of return among 1.5 and second generation Vietnamese American skilled migrants in Vietnam // *Journal of Vietnamese Studies*. 2016. Vol. 11 (2). P. 96–121.
11. Соколов А.А. Вьетнамцы в России: история миграций и диаспоры // *Восток на востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры* / отв. ред. С.А. Панарин. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 145–158.
12. Тузова А.Ш. Российские семейные вьетнамцы: дилемма «вернуться или остаться» // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 6. С. 76–92.
13. Smith M.P. Preface // *New approaches to migration?: transnational communities and the transformation of home* / eds N. Al-Ali, K. Koser. Routledge, 2003. P. X–XV.
14. Szymańska-Matusiewicz G. Intergenerational conflicts in Vietnamese families in Poland // *Southeast Asian Migration: People on the Move in Search of Work, Refuge, and Belonging* / eds Kh. Um, S. Gaspar. Eastbourne : Sussex Academic Press, 2015. P. 67–91.
15. Полевые материалы автора. Санкт-Петербург. Март 2015 – август 2018 гг.
16. Тузова А.Ш. Национальная кухня в самоидентификации вьетнамцев Санкт-Петербурга : дис. маг. по направлению антропология. СПб., 2016.
17. Zontini E., Reynolds T. Mapping the role of 'transnational family habitus' in the lives of young people and children // *Global Networks*. 2018. Vol. 18 (3). P. 418–436.
18. Basu P. Route metaphors of "roots-tourism" in the Scottish Highland diaspora // *Reframing pilgrimage. Cultures in motion* / eds S. Coleman, J. Eade. London : Routledge, 2004. P. 150–174.

19. Espiritu Y.L., Tran T. 'Viet Nam, Nuoc Toi': Vietnamese Americans and Transnationalism // The changing face of home: The transnational lives of the second generation / eds P. Levitt, M.C. Waters. New York : Russell Sage Foundation, 2002. P. 367–398.
20. Wolf D.L. There's no place like "home": Emotional transnationalism and the struggles of second-generation Filipinos // The changing face of home: The transnational lives of the second generation / eds P. Levitt, M.C. Waters. New York : Russell Sage Foundation, 2002. P. 255–294.

Anna Sh. Tuzova. European University at St. Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: anna10son@gmail.com

SECOND-GENERATION VIETNAMESE IN RUSSIA: WHO MIGRATES TO THE ANCESTRAL HOMELAND?

Keywords: anthropology of migration; transnationalism; the Vietnamese in Russia.

The article examines the influence of transnational engagements during childhood and adolescence on migration plans and desires of second-generation Vietnamese in Russia. The article is based on twenty-two in-depth biographical interviews with individuals of Vietnamese descent, aged 17–35, as well as on more than ten interviews with their family members and participant observation at diasporic events. Field research was conducted between 2015 and 2018 as part of a broader project entitled "Transnational and Translocal Aspects of Migration in Modern Russia" at the European University at Saint-Petersburg, and funded by the Russian Science Foundation.

Descendants of migrants live in a transnational social field created by actual transnational movements and symbolic transnational involvement and ties. It generates nostalgic affection towards parents' homeland. Ancestral homeland migration of second-generation immigrants is usually understood as being propelled by this longing and desire to belong. However, my study of biographies and narratives of young adults raised in Russia in Vietnamese and mixed Russian-Vietnamese families showed that, first, their transnational involvement often did not give rise to positive feelings towards their ethnic heritage, and second, having such sentiments is not sufficient to produce a desire for 'return' migration.

Second generation's experience of visiting parents' homeland varies from long-term stays up to 5 years during pre-school or elementary school to short trips for family reasons. Very few Vietnamese families could afford regular (every 2 to 3 years) trips. Therefore, most children did not develop feelings of belonging in Vietnam and usually remember it as a hostile environment. This, in turn, produces resentment towards their parents' ethnicity and a stronger attachment to a familiar Russian setting.

Still, life trajectories of the second generation, to a large extent, are affected by the practices of 'symbolic transnationalism' enacted through parental upbringing that differs from mixed to Vietnamese families. In the early post-Soviet period mixed families lived the life of the upper-middle class, and Vietnamese ethnicity was perceived as a source of stigma, so the Vietnamese origin of ethnically mixed children was often concealed. Today these adults have ambivalent attitudes towards their Vietnameseness: they may explore some cultural features, such as cuisine, and those who have emigrated praise their hybrid background for their adaptability to unfamiliar contexts. Children from Vietnamese families feel more pressure either to adhere to the "traditional" Vietnamese value system with its focus on family or to choose a Westernized Russian individualistic life path. In some occasions migration to Vietnam is viewed as a way to increase social status – it is especially true for eldest daughters who may achieve that by having a successful marriage. Only in that case would members of the second generation who have positive feelings towards their Vietnamese heritage actually migrate.

REFERENCES

1. Wessendorf, S. (2007) "Roots migrants": Transnationalism and "Return" among second-generation Italians in Switzerland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 33(7). pp. 1083–1102. DOI: 10.1080/13691830701541614
2. Tsuda, T. (2009) Why does the diaspora return home? The causes of ethnic return migration. In: Tsuda, T. (ed.) *Diasporic homecomings. Ethnic return migration in comparative perspective*. Stanford, CA: Stanford University Press. pp. 21–43.
3. Yamashiro, J.H. (2017) *Redefining Japaneseness: Japanese Americans in the ancestral homeland*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
4. Wang, L.K. (2017) "Leftover women" and "kings of the candy shop": Gendering Chinese American ancestral homeland migration to China. *American Behavioral Scientist*. 61(10). pp. 1172–1191. DOI: 10.1177/0002764217732104
5. Zhou, M. (1997) Growing up American: The challenge confronting immigrant children and children of immigrants. *Annual Review of Sociology*. 23(1). pp. 63–95. DOI: 10.1146/annurev.soc.23.1.63
6. Carling, J., Mortensen, E.B. & Wu, J. (2011) *A systematic bibliography on return migration*. PRIO Paper. Oslo: Peace Research Institute Oslo (PRIO).
7. Christou, A. (2006) American dreams and European nightmares: experiences and polemics of second-generation Greek-American returning migrants. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 32(5). pp. 831–845. DOI: 10.1080/13691830600704263
8. Reynolds, T. (2010) Transnational family relationships, social networks and return migration among British-Caribbean young people. *Ethnic and Racial Studies*. 33(5). pp. 797–815. DOI: 10.1080/01419870903307931
9. Jain, S. (2018) Transnational ties and ethnic identities in the parental homeland: second-generation Indian Americans in India. *Identities*. DOI: 10.1080/1070289X.2018.1441689
10. Nguyen-Akbar, M. (2016) Finding the American dream abroad? Narratives of return among 1.5 and second generation Vietnamese American skilled migrants in Vietnam. *Journal of Vietnamese Studies*. 11(2). pp. 96–121. DOI: 10.1525/jvs.2016.11.2.96
11. Sokolov, A.A. (2016) V'etnamtsy v Rossii: istoriya migratsiy i diaspor [Vietnamese in Russia: the history of migrations and diasporas]. In: Panarin, S.A. (ed.) *Vostok na vostoke, v Rossii i na Zapade: transgranichnye migratsii i diaspor* [East in the east, in Russia and in the West: cross-border migrations and diasporas]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 145–158.
12. Tuzova, A.Sh. (2017) Vietnamese Immigrants with Families in Russia: The Return-or-Stay Dilemma. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 6. pp. 76–92. (In Russian). DOI: 10.13039/501100006769
13. Smith, M.P. (2003) Preface. In: Al-Ali, N. & Koser, K. (eds) *New approaches to migration?: transnational communities and the transformation of home*. Routledge. pp. X–XV.
14. Szymańska-Matusiewicz, G. (2015) Intergenerational conflicts in Vietnamese families in Poland. In: Um, Kh. & Gaspar, S. (eds) *Southeast Asian Migration: People on the Move in Search of Work, Refuge, and Belonging*. Eastbourne: Sussex Academic Press. pp. 67–91
15. Tuzova, A.Sh. (2015–2018) *Polevye materialy avtora* [Author's field materials]. St. Petersburg.
16. Tuzova, A.Sh. (2016) *Natsional'naya kukhnya v samoidentifikatsii v'etnamtsev Sankt-Peterburga* [National cuisine in the identity of the Vietnamese of St. Petersburg]. Master's thesis. St. Petersburg.
17. Zontini, E. & Reynolds, T. (2018) Mapping the role of 'transnational family habitus' in the lives of young people and children. *Global Networks*. 18(3). pp. 418–436. DOI: 10.1111/glob.12185
18. Basu, P. (2004) Route metaphors of "roots-tourism" in the Scottish Highland diaspora. In: Coleman, S. & Eade, J. (2004) *Reframing pilgrimage. Cultures in motion*. London: Routledge. pp. 150–174.
19. Espiritu, Y. L. & Tran, T. (2002) 'Viet Nam, Nuoc Toi': Vietnamese Americans and Transnationalism. In: Levitt, P. & Waters, M.C. (eds) *The changing face of home: The transnational lives of the second generation*. New York: Russell Sage Foundation. pp. 367–398.
20. Wolf, D.L. (2002) There's no place like "home": Emotional transnationalism and the struggles of second-generation Filipinos. In: Levitt, P. & Waters, M.C. (eds) *The changing face of home: The transnational lives of the second generation*. New York: Russell Sage Foundation. pp. 255–294.